

---

pocket**book**

---

rocket**book**

Ихара Сайкаку

История любовных
похождений
одинокой женщины

Москва
2020

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
С14

Перевод со старояпонского *Веры Марковой*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке: Kitagawa Utamaro /
Minneapolis Institute of Arts, MN, USA /
Bequest of Richard P. Gale / Bridgeman Images /
Fotodom.ru.

Сайкаку, Ихара.

С14 История любовных походов одинокой женщины / Ихара Сайкаку ; [пер. со старояп. В. Марковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 224 с.

ISBN 978-5-04-104560-9

Японского поэта и прозаика Ихару Сайкаку (1642—1693) еще при жизни признали классиком. За редкий талант импровизации его называли «мастером двадцати тысяч строк». Стал родоначальником нового направления в прозе — укиё-дзоси (повести о брэнном мире), но прославился косёку-моно (повести о любви). Сайкаку так ярко описал мир страсти и наслаждений и так полнокровно изобразил жизнь современной ему Японии со всем, что в ней есть низкого и высокого, что поднял жанр любовной новеллы до уровня настоящей литературы.

«История любовных походов одинокой женщины» — одно из самых известных произведений автора, откровенная исповедь старухи-отшельницы. Пройдя путь от утонченной гетеры до зазывалы мужчин на улице, она прожила жизнь, полную чувственных приключений.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-104560-9

© Маркова В.Н., перевод на русский язык. Наследники, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Люди навещают тайное убежище
былой красавицы
и слушают повесть о ее любовных
приключениях.

Сколько ни слушай, не наскучит.

На горе Хигасияма, где цветут вишни,
пляшет столичная танцовщица.
Ни одна женщина в стране
не сравнится с ней красотой!

Несравненную красавицу
продают князю
за двести рё серебром.

Тот, кто видел прекрасную новую гетеру
в Симабаре,
уже не захочет смотреть
ни на пурпурные листья клена,
ни на полную луну,
ни на одну обычную женщину.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ СТАРУХИ

Я навещаю одну женщину,
молва о которой некогда шумела
в столице.
Она рассказывает повесть своей жизни,
полной любовных похождениям.

ЮНАЯ ТАНЦОВЩИЦА НА ПИРАХ

Когда зацвели первые вишни
возле храма Киёмидзу,
прекрасная девушка исполнила танец
посреди круга, отгороженного занавесом.
Откуда она родом? Кто ее родители?
Не знаете ли вы ее?
— Это такая-то с улицы Гион.
Ее хоть сейчас может купить
каждый, кто захочет.

История любовных походов одинокой женщины

НАЛОЖНИЦА КНЯЗЯ

Девушку из хорошего рода
нельзя взять в наложницы
всего на тридцать дней,
но все же и ей приходится
искать себе хозяина в заботах о будущем.
Она не может стать игрушкой на время...
Увы! Увы! Может и она,
стоит только пожелать.

КРАСАВИЦА ГЕТЕРА

Новая гетера
затмевает всех красавиц столицы.
Обычай тайфу из веселого квартала Симабары
бесспорно хороши,
но чистосердечная исповедь
раскрывает горестные тайны.

Тайное убежище старухи

«**К**расавица — это меч, подрубающий жизнь», — говорили еще мудрецы древности. Осыпаются цветы сердца, и к вечеру остаются только сухие ветки. Таков закон жизни, и никто не избегнет его, но порой налетит буря не вовремя и развеет лепестки на утренней заре. Какое безрассудство — погибнуть ранней смертью в пучине любви, но никогда, видно, не переведутся на свете такие безумцы!

В седьмой день первого месяца случилось мне пойти в Сагу, к западу от столицы. Когда я переправлялся через Умэдзу — реку сливовых цветов, губы которой точно шептали: «Вот она — весна!» — встретился я с двумя юношами. Один из них был красив собой, щегольски одет по моде, но изнурен и смертельно бледен.

Казалось, истерзанный любовной страстью, он клонился к скорому концу, проча старика отца в свои наследники.

Юноша говорил:

— Мое единственное желание на этом свете, где я ни в чем не знал недостатка, — чтобы влага моей любви никогда не иссякала, как полноводное течение этой реки.

Спутник его в изумлении воскликнул:

— А я желал бы найти страну, где не было бы женщин! Туда хотел бы я укрыться, там в тишине и покое продлить свои дни и лишь издали следить за треволениями нашего времени.

Мысли их о жизни и смерти были так далеки друг от друга, как долгая жизнь непохожа на короткую.

Юноши спешили вперед, точно гнались за несбыточными снами, и не помня себя вели яростный спор, как в бреду. Дорога, не разветвляясь, вилась вдоль берега реки. Безжалостно топчя молодые побеги диких трав, они шли все дальше в глубь гор, туда, где не было и следа людских селений.

Охваченный любопытством, я последовал за ними.

Посреди сосновой рощи виднелась редкая изгородь из сухих веток. Дверца, сплетенная из побегов бамбука, скрывала вход в природную пещеру, такой тесный, что, казалось, и собака не пролезет. Кровля с одним только пологим скатом, а на ней стебли травы желанья и сухие листья плюща — все, что осталось от давно минувшей осени. Под сенью ивы журчал ручеек, выбегая из бамбуковой трубы. Родниковая вода была чиста и прозрачна, невольно думалось, что и хозяин этой кельи — чистый сердцем святой! Я заглянул в окно, и кого же я увидел?

Женщину, согнувшуюся в три погибели под бременем лет. Волосы убелены инеем, глаза тусклы, как бледный свет закатной луны. На старом косодэ небесного цвета рассыпаны махровые хризантемы. Пояс с модным рисунком повязан спереди изящным узлом. Даже сейчас, в глубокой старости, она была не по летам разряжена, и все же не казалась смешной и противной.

Над входом, который вел, видимо, в ее опочивальню, висела доска с шуточной надписью: «Обитель сладострастья».

Еще чувствовался аромат курившегося когда-то благовония, быть может прославленного хацунэ. Мое сердце готово было впрорхнуть к ней в окно.

Тем временем юноши вошли в дом, не спрашивая дозволения, с видом привычных посетителей.

Старуха улыбнулась:

— И сегодня тоже пришли меня навещать! Сколько в мире удовольствий манит к себе, зачем же ветер льнет к сухому дереву? Уши мои туго слышат, язык плохо повинуется. Уже семь лет, как я скрываюсь в уединении, отказавшись от суетного мира. Когда раскрываются цветы сливы, я знаю, что пришла весна. Когда зеленеющие горы меняют свой цвет под покровом белого снега, это для меня знак, что наступила зима. Давно уже я не вижу людей. Зачем же вы приходите ко мне?

— Друг мой гоним страстью, а я погружен в свои думы, и оттого мы оба не могли до сих пор постичь все тайны любви. Сведущие люди посоветовали нам прийти сюда. Расскажите, прошу вас, о своей прошлой жизни так, чтобы мы все увидели как бы своими глазами.

Юноша налил немного хрустально чистого вина в драгоценную золотую чарку и стал потчевать старуху, не слушая ее отговорок.

Неприметно старуха опьянела, в голове у нее помутилось, и она запела песню о любви, перебирая струны, совсем как в давно минувшие времена. И, увлекшись, она стала рассказывать, словно во сне, о своих былых похождениях и обо всем, что случилось на ее веку.

— Я не из низкого рода. Мать моя, правда, была не родовита, зато один из предков моего отца во времена императора Го-Ханадзона был своим человеком у высшей знати, но, как часто бывает на этом свете, род наш пришел в упадок и хоть не совсем исчез с лица земли, но уже не мог служить нам опорой.

От рождения я была красива лицом и приветлива, и меня взяла к себе на службу дама, занимавшая при дворе самое высокое положение. Жизнь среди утонченной роскоши пришлась мне по душе. Так служила я несколько лет. Казалось бы, что дурного могло со мной случиться? Но в одну памятную весну, когда исполнилось мне одиннад-

цать лет, сердце мое беспричинно потеряло покой. Мне вдруг захотелось причесаться по собственному вкусу. Это я первая изобрела прическу нагэсимада без буклей на висках, я первая стала связывать волосы шнурком мотоюи. И узор госэдомэ для платья тоже я придумала, вложив в него всю душу. С тех пор он и вошел в моду.

Жизнь придворной знати близка к изголовью любви. Все напоминает о ней: танка и игра в мяч. Всюду видела я любовь, всюду слышала я о любви. Что же удивляться, если сердце мое само собой к ней устремилось?

В ту пору стала получать я со всех сторон любовные послания. Они волновали мою душу, но скоро мне стало некуда их прятать, и я попросила молчаливых дворцовых стражей предать их огню. Но имена богов, написанные на них в подтверждение любовных клятв, не исчезли в пламени, и я разбросала обгорелые клочки в саду возле храма Есида.

Нет ничего причудливее любви! Все мои искатели были щеголи и собой хороши, но я осталась к ним равнодушна, а отдала свое сердце самураю самого низкого звания, который должен был бы мне внушать отвраще-

ние, отдала после первого же письма от него. Так оно захватило меня силой выраженного в нем чувства. Для этого человека и смерть была не страшна. С каждым новым письмом любовь моя разгоралась все сильнее. Я только и мечтала, когда же мы встретимся наедине! Наконец мы преодолели все препятствия. Я отдалась моему милому, и об этом пошла молва, но порвать нашу связь не было сил! Однажды на рассвете тайна наша раскрылась. Меня погнали к мосту Удзибаси и жестоко наказали, а его, несчастного, предали смерти.

Много дней после этого являлся мне, не то во сне, не то наяву, молчаливый призрак у самого моего изголовья, и я, не в силах вынести этого ужаса, хотела расстаться с жизнью. Но прошло время, и я обо всем позабыла. Вот свидетельство тому, что нет ничего на свете изменчивей и ненадежней женского сердца!

В то время было мне всего тринадцать лет, и оттого люди смотрели на мой проступок сквозь пальцы. Многие даже сомневались: «Да как это могло быть? Поверить нельзя!»

И правда, разве это могло случиться в прежние времена?

История любовных походов одинокой женщины

В былые годы невеста, покидая свой родной дом, печалилась о разлуке с близкими, и рукав ее был влажен от слез.

Нынешняя невеста стала умнее: она торопит сватов, спешит нарядиться и ждет не дождется свадебных носилок, прыгает в них, не чуя ног от радости, и даже по кончику ее носа видно, что она млеет от счастья. Лет сорок тому назад девушки годов до восемнадцати резвились у ворот, как дети, на бамбуковых ходулях, юноши тоже совершали обряд гэмпуку не иначе как лет в двадцать пять. Вот до чего мир изменчив!

И я тоже из скромного бутона любви обратилась в дразняще яркий цветок ямабуки на берегу стремнины. Увы! Не прояснятся больше воды мутного потока!

Юная танцовщица на пирах

Знающие люди говорят, Верхний город и Нижний в Киото во всем различны между собой.

Когда краса цветов поблекла, как говорит в одной из своих песен поэтесса Комати, — поблекла даже на летних платьях, — я по-